

АЛИСА ПЕРМЯКОВА

СЕРЕБРЯНАЯ
РОЗА

16+

Алиса Шёбель-Пермякова

**Серебряная Роза.
Сборник рассказов**

«Автор»

2017

Шёбель-Пермякова А.

Серебряная Роза. Сборник рассказов / А. Шёбель-Пермякова — «Автор», 2017

Алиса Шёбель родилась в 1986 году в г. Ленинграде. Писать начала с самого детства, оттачивая как свой уникальный стиль, так и видение мира. В её рассказах и стихотворениях диковинным образом соединяются вымысел и реальность, а сказка, оказывается, находится у нас прямо перед глазами. Смешное и грустное плетут вместе единый узор в рамках каждого произведения, а умение говорить о сложном простыми, но ёмкими словами дарит незабываемые впечатления. Читая эти рассказы, заново вспоминаешь то, что мы когда-то знали, но позабыли, когда повзрослели.

© Шёбель-Пермякова А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Карма	5
Славься, море, я вернулся!	7
Диалоги о животных	10
Девять жизней Барсика	12
Всё стало светлым	14
День расколдованных принцев	17
Если завтра конец света	21
Запретное слово	24
Ни слова о работе!	28
Руки	33
Солнечные очки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алиса Шёбель-Пермякова

Серебряная Роза. Сборник рассказов

Карма

Анна Валерьевна умерла достаточно спокойно. Инсульт произошел во сне, и потому проснулась она уже не у себя в кровати, а в просторной комнате с множеством других людей, как и она, ожидавших увидеть нечто иное. Потолкавшись среди народа и выяснив, что к чему и где, Анна Валерьевна протиснулась к большому справочному бюро, которое сначала направило ее обратно в очередь, потом на выход и только с третьего подхода (к вящему удовлетворению Анны Валерьевны, ибо и не таких бюрократов штурмом брали) операционист удосужился пробить ее по базе данных и сообщил:

– Вот распечатка кармы, третий кабинет направо за левым углом – получите комплектацию. Потом подойдете. Следующий.

Анна Валерьевна послушно взяла распечатку, ничего в ней не поняла и проследовала в указанном направлении.

– Карму давайте! – Анна Валерьевна подпрыгнула от неожиданности.

– К-карму?

– А вы можете дать что-то еще? – цинично поинтересовались за стойкой и буквально вырвали из рук Анны Валерьевны распечатку. – Так, карма у вас, скажем прямо, не ахти. Много с такой не навоюешь.

– Я не хочу воевать – испуганно пролепетала Анна.

– Все вы так говорите, – отмахнулись от нее и продолжили, – на ваше количество набранных баллов вы можете купить 138 земных лет человеческой жизни, 200 лет птичьей или лет 300 в виде дерева или камня. Советую камнем. Деревья, бывает, рубят.

– Сто тридцать восемь... – начала было Анна Валерьевна, но ее опять перебили.

– Именно сто тридцать восемь лет стандартной и ничем не примечательной жизни, заурядной внешности и без каких-либо необычностей.

– А если с необычностями?... Это я так, на всякий случай... уточняю...

– Ну, выбирайте сами. Необычностей много. Талант – 40 лет жизни, богатство – в зависимости от размера, брак, честно вам скажу, полжизни гробит. Дети лет по 15 отнимают... Вот вы детей хотите?

– Нет,... то есть да,... двоих,... нет, троих...

– Вы уж определитесь.

– Брак, троих детей, талант, богатство и чтобы по миру путешествовать! – на едином дыхании выпалила Анна Валерьевна, лихорадочно вспоминая, чего ей еще не хватало в той жизни, – и красоту!

– Губа не дура! – хмыкнули из-за прилавка, – а теперь, уважаемая Анна Валерьевна, давайте посчитаем. Брак – это 64 года, остается 64. Трое детей – еще минус 45. Остается 19. Талант, допустим, не мирового масштаба, так, регионального, ну лет 20. А богатство лет 20 минимум. Лучше надо было предыдущую жизнь жить, недонабрали лет.

– А вот... – прикусила губу Анна Валерьевна, – если ничего...

– А если ничего, то 138 лет проживете одна в тесной квартирке, достаточной для одного человека и при здоровом образе жизни в следующий раз хватит на побольше лет – отбрили Анну Валерьевну.

– И ничего нельзя сделать?

– Ну почему же? – смягчились за прилавком, – можем организовать вам трудное детство – тогда высвободится лет 10. Можно брак сделать поздним – тогда он не полжизни отхватит. Если развод – еще кредит появится, а если муж сатрап, то авось и талант мирового масштаба сможем укомплектовать.

– Да это же грабеж...

– Свекровь-самодурка карму неплохо очищает, – проигнорировали ее возмущение и продолжили, – можно вам добавить пьяного акушера и инвалидность с детства. А если пожелаете...

– Не пожелаю! – Анна Валерьевна попыталась взять в свои руки контроль над ситуацией, – Мне, пожалуйста, двоих детей, брак лет этак на 40 по текущему курсу, талант пусть региональный будет, ну и богатство чтобы путешествовать, не больше.

– Все? Красоты вам не отсыпать? У вас еще 50 лет осталось,... нет? Тогда комплектую – девушка за прилавком достала кружку и стала высыпать в нее порошки разных цветов, приговаривая себе под нос – брак сорокалетний – есть, дети, две штуки – есть, талант... талант... вот, пожалуй, так, деньги... сюда, а остальное от мужа еще... Все!»

Анна Валерьевна недоверчиво покосилась на полулитровую кружку, заполненную цветным песком, которую ей протянули из-за прилавка.

– А если, скажем, я талант не использую, я дольше проживу?

– Как вы проживете – это ваши проблемы. Заказ я вам упаковала, разбавите с водой и выпьете. Товары упакованы, возврату и обмену не подлежат! Если вы пальто купите и носить не будете – это уже ваши проблемы.

– А...

– Счет-фактура вам, уверяю, не пригодится.

– А...

– Да что вы все «А» да «А»! судьбу вы себе выбрали, предпосылки мы вам намешали, все остальное в ваших руках. Кулер за углом. Следующий!

Последнее, что успела подумать Анна Валерьевна перед собственными родами, было: «Вот вроде все с моего ведома и разрешения, а такое ощущение, что меня все-таки обдурили». Хотя нет, мимолетной искрой у нее в мозгу успела пронестись мысль о том, что ей интересно, как ее назовут.

***

Славься, море, я вернулся!

Очередное ничем не примечательное дождливое утро. Они приняли свои таблетки, позавтракали и вышли на веранду смотреть телевизор и предаваться воспоминаниям. Покой и уют царил на этой веранде, помнившей еще их собственных дедов. Вдруг миссис Стэнли сдавленно охнула. За ней ахнули миссис Барбикью и мисс Уатт. Постепенно все старички оглянулись и удивленно уставились на Харри. Их старого доброго Харри, между тем, было не узнать. Он стоял гордым голубем посреди стаи воробьев, одетый в высокие сапоги, брюки и дождевик. На спине у него висел рюкзак, да и сам он стал словно на пару дюймов выше.

– Харри, дорогой, куда это ты собрался под дождем? – спросила Миссис Нивель.

– На рыбалку!

– Но, там же дождь...

– Именно так! – улыбнулся Харри, явив присутствующим пожелтевшие от старости зубы, – именно на рыбалку и именно сейчас, вот так-то, старички!

– Харри, ты простынешь, а потом будешь нас же мучить нытьем про свой радикулит, – укоризненно проскрипел Спарки, старик одиночка, которого раз в два месяца навещала внучка.

– Леди и Джентльмены! Я рад объявить, что у меня больше никогда не будет радикулита! Сейчас я все объясню, – залихватским движением Харри снял рюкзак и приземлил его рядом с инвалидным креслом мистера Гротта, старейшего из них.

– Я много думал о жизни. О том, как мы ее провели и о том, почему мы с вами оказались в этой дыре! – под недовольный ропот стариков он обвел рукой всю комнату, – да-да, именно дыре, погребе, куда фермер складывает старую некрасивую картошку на корм своим свиньям. И я понял, что все дело в кумирах. Еще в далеком детстве мы выбираем себе кумиров, на которых подсознательно стремимся быть похожими. Эти кумиры и определяют нашу жизнь. Но выбираем мы их неправильно. К их идеалу мы стремимся, забывая, что кумирам навеки 20, 30, в крайнем случае, 40 лет! Время для них остановилось, замерло, они упиваются этим временем, верша подвиги и радуя читателей!

– Что-то я тебя не пойму... – нахмурился Спарки.

– Вот ты, когда тебе было 12 лет, на кого хотел быть похожим?

– Спросил, так спросил – я уж и не припомню... кажется, мне нравился доктор Ливси из «Острова Сокровищ».

– Великолепно! – восхитился Харри, – бравый доктор, победитель пиратов! А теперь подумай, Спарки, будь у бравого доктора жена, дети, сорвался бы он в ту авантюру? Нет и нет! Ни за что! Его бы жена непустила! Доктор Ливси, излучавший вечный оптимизм, умевший найти подход к морякам и головорезам, был одинок! Вот и ты, Спарки, со своей сияющей улыбкой, не поступив на медицинский, стал хотя бы ветеринаром. Ты вел буйную жизнь и все думали, что у тебя все отлично. А мог ли ты представить себе доктора Ливси в старости? Дряхлого, сгорбленного и ворчащего на жену: «Принеси то, принеси это, посоли гречку, заштопай мне носок!» Рядом с Ливси просто не могло быть семьи! А ты, Роза, кто был твоим кумиром?

Роза посмотрела на сникшего Спарки и робко сказала:

– Н-не было...

– Брось, Роза, признайся, кем ты восхищалась в молодости? Сходства с кем ты пыталась достичь, нанося тени и подводя глаза перед походом на танцплощадку или в кино?

– Никем! – поджала губы Роза.

– Не верю, у тебя дрожит нижняя губа! – воскликнул Харри, – Верно, у тебя был кумир! В детстве ты мечтала о том, чтобы будоражить воображение, как дикая греческая амазонка, потом быть желанной как королева эльфов Титания, быть сильной и страстной, как Скарлет О'Хара и независимой, как Миледи! Ты знала, что тебе уготовано большее. Ты знала это когда выходила замуж за строителя на соседней фабрике, ты знала это, когда паковала обеды для своих детей. Семейная жизнь была не для тебя, и ты страдала глубоко в душе, боясь даже себе в этом признаться! А они чувствовали это, тем самым недоказанным органом чувств, что зовется интуиция. И потому держались особняком, строили свою жизнь и искали собственных кумиров, а при первой же возможности отдали тебя сюда!

– Шел бы ты... рыбачить! – утробно прорычала Мисс Уатт, протягивая подруге платочек. На глазах Розы Барбикью стояли слезы.

– Сам-то тут как тогда оказался, умник? – скрипуче спросил Мистер Гротт.

– У меня тоже был кумир. Я избрал себе Капитана Немо с оттенком доктора Генри Хиггинса. Оба посвятили себя науке.

– Постой, Харри, но ведь Хиггинс женился на Элайзе... – попытался возразить Билл Марски, бывший журналист.

– Ошибаешься Билл! Они решают быть вместе только в самом конце, после того как он ее все время терроризировал и мучил! Мы его любим, потому что Хиггинс был великолепным холостяком! Он любил себя и работу, у него было великолепное чувство юмора! Он мог позволить себе презреть любые приличия... – На мгновение Харри мечтательно зажмурился, – Зато ты, Билл, судя по всему, был без ума от Шерлока Холмса, кропая разоблачительные статьи в молодости, и даже сейчас пытаюсь выискать нестыковки в моих словах!

Билл грустно улыбнулся и еле заметно кивнул.

– Ну, допустим, ты это понял, – сказал Спарки, – выложил все это перед нами, уничтожил нас, и что?

– А то, Спарки, ведь мы все получили по заслугам! Мы все предатели! Настолько, насколько это можно себе представить! Мало того, что мы их сотворили, мы их еще и предали! Мы прожили обычную жизнь, от которой мне теперь тошно. Мы больше не стремимся быть как они.

– Я, кажется, понял, – хмыкнул Билл Марски, – осознав это, ты пошел рыбачить, в надежде, что лодка все же перевернется?

– Побойся Бога, Марски! – возмутилась миссис Стэнли, – И ты, Харри, старый дурак, снимай дождевик и садись смотреть телевизор!

– Ни за что! – улыбнулся Харри, словно пробуя это слово на вкус, потом повторил погромче, на грани крика, – Ни в коем разе! Я не спал всю ночь, пока думал об этом! Предательская наших кумиров, мы предаем самих себя! Раз мы позволили им завладеть нашими телами, раз мы их возродили, должно оставаться с ними до конца. И тогда-то я спросил себя, а что сделал бы капитан Немо, окажись он в моей ситуации? Уныло сидел перед телевизором, или обрадовался бы родной стихии? Что может быть великолепнее дождя, корабля и бескрайних водных просторов? Нет, он бы непременно вышел хотя бы порыбачить! А когда я натягивал сапоги, на небе выглянуло солнце. Вы его не увидите, у вас все застилают мутные серые тучи, а у меня солнце! Солнце и солоноватый морской бриз! И я снова молод, настолько, насколько молод был великий капитан! Вы не поверите, я наконец-то счастлив. Ругайте меня, завидуйте мне, но не смейте меня останавливать, заклиная вас, старикашки, не пытайтесь!

С этими словами Харри поднял рюкзак, уверенно толкнул дверь и вышел под дождь. Какое-то время он постоял, наслаждаясь как капли падают на его лицо. Он чувствовал себя мальчишкой в августовский день, уставшим от вечного зноя и радующимся долгожданному дождю. Стараясь не обращать внимания на крики своих товарищей и призывы остановиться, он зашагал по идеально подстриженной траве в сторону озера. Прямо как юноша 19 лет шагает по засеянному полю в соседнюю деревню, чтобы подарить купленную в городе брошь Катарине, веселой Катарине, смеявшейся, словно тысячи золотых колокольчиков. Он откинул брезент и сел в лодку, только теперь, сидя к ним лицом, он позволил себе посмотреть на стариков.

Они выбежали за ним, почти все, забыв про зонтики. Они старались успеть за его резко помолодевшим шагом, пытались понять, что с ним произошло и что его так изменило. Он улыбнулся и помахал им рукой, Артур, вытащивший меч из камня, или, Эдмон Дантес, уплывающий в плавание, зная, что на берегу остается любящая невеста, Немо, ступивший на борт своего любимого деревянного Наутилуса.

А потом капитан Немо взялся за весла. Первый робкий гребок, потом второй, посмелее. Руки сами вспомнили, как надо двигаться, мышцы снова окрепли. Взмах за взмахом, весла выныривали из воды и снова пронзали кристальную гладь. Взмах за взмахом, несмотря на тиски, сжавшие грудь. Нельзя, пусть видят, что капитан готов к плаванию. Лица стали уже неразличимыми, но, пересиливая боль, капитан Немо улыбнулся и помахал им рукой, моля небо об усилении стихии. И небо услышало капитана. Стена дождя закрыла от него берега озера, причал и дом престарелых. Капитан был в море. Он уже не чувствовал весла, он держал штурвал, и железная машина любовно отвечала на каждое его движение.

Глубоко внутри судорожно схватился за грудь Харри, но тут же расслабился и улыбнулся, замолкая навеки. Отныне были только стихия и молодой капитан. Славься, море, я вернулся! Отныне только мы с тобой. Я никогда больше не пристану к берегу.

***

Диалоги о животных

— Все-таки, правы были китайцы, – задумчиво протянул Владик.

– И в чем же? – заинтересовался новичок Костюня.

– В том, что каждому человеку соответствует его животное... Только вот животных мало подобрали...

– Почему же мало? Зато разноплановые... – попытался показать что он «в теме» Костюня.

– Фигня! – безапелляционно отмахнулся Владик, – вот, на Елизавету посмотри! Ну, чистой воды гусыня! Глаза вылупленные, волосы сальные, водоотталкивающие, а гогочет когда...

Костюня посмотрел на Елизавету и признал, что да, чистой воды гусыня.

– А вот, – не унимался Владик, – Ахмед! Ворон! И не из-за «клюва»! Ты только посмотри, как он смотрит... Его взгляд, умудренный вековыми знаниями горских прадедов, сканирует всех и каждого на предмет чего-то, чем можно поживиться! И что попадет в его когти, то уже никто больше никогда не увидит.

Костюня не удержался и посмотрел на Ахмеда. Высокий жилистый горец и правда буравил что-то своими цепкими глазами из-под тени широких «брежневских» бровей, что придавало его взгляду еще большее коварство. Проследив за его взглядом, Костюня наткнулся на декольте Дашеньки. Знатное декольте. Не меньше третьего размера над хрупкой талией, стянутой тонким декоративным пояском.

Видимо, Владик сделал то же самое, ибо смачно причмокнув, выдал:

– Да-а-а-ашенька... Но остерегайся, мой друг, она – богомолиха! Поддайся ее чарам, и пути назад не будет. Загипнотизированный ее формами и поведением, ты не очнешься даже тогда, когда в пылу страсти она оторвет тебе голову и начнет пожирать заживо.

Дашенька, почувствовав взгляд Костюни, лучезарно ему улыбнулась, явив миру и конкретно Костюне ряд ровных, белоснежных и острых (а в их остроте Костюня отныне не сомневался) зубов.

– Хорошо еще, Эвелины нет! – продолжал Владик, – настоящая львица... смотрел у Дроздова в программе? Красавица, подтянутая, грациозная, и в стойку встает, а как только лев к ней подойдет – сразу когтями по морде! А Илья у нас медведь-шатун. Как даст лапой так ты под стол и укачишься, и хорошо, если все кости целыми останутся!

– Зачем же лапой-то?! – в ужасе пролепетал Костюня.

– А потому что разбудили раньше положенного. На работу-то нам к половине девятого, не всякий бодро вскочит... Продолжаем-с... – Владика понесло, – Марья Борисовна – филин: затаится и во тьме ночи склюет. Игорь Николаевич – коршун: бросит на камни. Инга... Инга – она у нас крокодил! Под воду утащит и разлагайся там... Ануфрий – дикобраз, причем генетически модифицированный, потому как иголками стрелять научился. Хозяйственник – кабан, Катерина – пантера, Наталья – мурена... во! Еще же морские жители есть! Виктор – осел-людоед (тоже генетически модифицированный)! Олеся – гюрза, Димка – гепард, Витька – крыса. Елена – кобыла, Инна, ее подружка, увы, корова. Маша – волчица, Виленка просто-таки... гадюка!

– Владь, а Владь, – дрожащим голосом прошептал Костюня, – а к-кто ж-же тогда я?

– Ты? – покровительственно нахмурился Владик, – ты воробей! То тут почирикал, то там поклевал, сам ничего еще не добился, никому не нужен, зато вот съест тебя все не прочь. Видал, у нас же почти все хищники!

Костюня затравленно осмотрелся. Около окна шипела на окрысившегося Витьку Олеся, Маша плотоядно облизывала сочные кроваво-красные губки, Ахмед что-то каркал на ушко

Девять жизней Барсика

Эх, друг... именно друг, и никакой не хозяин! Сколько мы с тобой пережили – всего и не вспомнишь! Только с котом себя и познаешь, ни с какой собакою такого не получится. Для них ты именно хозяин, а вот для нас, котов, друг!

Помнишь, когда ты меня подобрал? Я тогда мелкий совсем был, месяцев шесть, вряд ли больше. Меня с моста сбросили, а ты как раз под мостом прятался от папы. Ты, кажется, его хрустальную пепельницу разбил, или вазу. Знатная ваза-то была, мне Васька рыжий рассказал, что этажом выше живет. Или, все-таки пепельница? Кажется, твой папа с ней часто на балкон выходил. Ты как увидел, что меня кинули, так сразу и прыгнул в воду. Повезло мне, что прежние хозяева (именно хозяева, никакие не друзья) даже платка на меня пожалели, даже коробки. Ты тогда кинулся в воду прямо в одежде, я помню. Только майку снял – в ней ты меня домой нес. Я помню, что все вокруг рекой пахло, а майка тобой. Ты самую малость не успел доплыть тогда. Так я и потерял свою первую жизнь. Зато оставшиеся восемь стали безраздельно твоими.

А помнишь когда у тебя газ убежал? Летом на даче. Я, как сейчас помню, прихожу, а ты лежишь и в ус не дуешь. К тебе тогда друзья приезжали. Друзья уехали, а ты спать лег. Я тебя и так будил, и так. Чего только не перепробовал. А сколько я тебе на ухо орал? Да после тех двух полетов через всю комнату, в которые ты меня отправил, любой другой гордо развернулся бы и ушел! Но я нет, ты ведь мне друг... А как ты ругался, когда я на тебя все книжки с полки опрокинул? Но я не обижаюсь. Я б тоже спросонья на твоём месте удивился – с чего бы это ты, друг, по полкам ползать начал: то ли тараканом себя возомнил, то ли человека-паука пересмотрел. А вот как бы ты на моем месте объяснил, что газ утекает? Хорошо еще, что когда я кашлять стал, ты решил, что меня вырвет и пнул меня на улицу. А потом все само собой решилось, ты пошел покурить, а со свежего воздуха и сам утечку унюхал. И зачем вам людям нос, если он такой слабый? Я, пока тебя будил, так надышался, что, наверное, тогда свою третью жизнь и потерял.

Зато вот Четвертую потерял гордо, в бою. У нас тогда крыса завелась. А ты ведь у меня молодой был, доверчивый, оставишь колбасу на столе, а как ее не станет – сразу у тебя Барсик виноват. Ну откуда Барсик? Барсика, может, дома вообще не было в тот момент! Я прихожу со свидания, а меня бить начинают. Кому, может, и как, а мне вот обидно! Не поверишь, я ее две недели караулил! Наконец, день икс. Лежу я как-то на батарее, слышу – идет, чую – она! Я еле слышно приподнимаю голову, и тут она на меня ка-а-ак посмотрит! Ка-а-а-ак глазами желтыми да злыми завращает! Я тут же сделал стойку по тэйквон-до, а она мне в ответ джиу-джитсу закрутила. Я ей лапой в ухо засветил, а она мне сковородкой по голове. Тут уж я рассердился, и бить начал в полную силу. Это у меня от удара по голове сковородкой так произошло. Сразу вспомнилось, как мы с тобою Фредди Крюгера смотрели по видику. Я когти выпустил – она зубы обнажила. Это был неравный бой, но я все-таки победил. А все потому что я – кот, сиречь существо более высокого уровня, да и жизней у меня аж девять, не то что одна жалкая да крысячья...

Шестая жизнь... Ну, я до сих пор не считаю себя виноватым. Стервой была твоя Вика, тут ты меня не переубедишь! От стерв всегда запах такой идет необычный, не естественный. Они знают, что они стервы, и прячут запах в духах. А еще одежда у них странная и кожа у них холодная. Я на ней и так, и этак пытался приспособиться, а она чуток коленку повернет и снова мне холодно да неудобно. Это она для тебя притворялась, что от меня без ума, зато, когда тебя не было – говорила всем по телефону, что ты дурак. Не хочешь – не верь, но я такое стерпеть не смог. Бей, ругай, дуйся, такой уж у меня характер. Меня еще можно обзывать, но за друга, ты, конечно, извини, «пасть порву, моргалы выколю». А как тебе доказать, что она стерва? Задача посложнее, чем с газом. Я вообще, очень интеллигентный кот, ты не представляешь,

какие моральные муки мне пришлось испытать, пока я гадил на ее платье! Но я должен был это сделать. Сумочкой она, конечно, меня приложила знатно. Вот в эту сумочку (Gucci, я даже это до сих пор помню!) и вылетела моя шестая жизнь. Цинично, но оно того стоило, особенно когда ты меня взял и обнял, прижал к себе, а сам высказал ей все, что я бы тоже ей высказал, умей я говорить. Никогда до тех пор не испытывал я такой моральной сатисфакции! Зато вот Катя твоя – совсем другое дело. Особенно когда она жилки из мяса вырезает!

За седьмую я не обижаюсь. Оно и понятно, что котята – существа неразумные, и твой котенок Сережа не был исключением. Оно даже правильно, что он со мной игрался. Людские котята просто обязаны учиться у настоящих кошек доброте и мудрости. Ну, потягал он меня тогда за хвост, а потом еще и помыть попытался, зато сейчас как со мною носится. Мне аж лежать стыдно в такие моменты. Старость – не радость. Вторая, пятая и восьмая тоже были героическими. С котами дрался. В первый раз во имя любви, зато, когда пятую и восьмую жизни терял – за территорию. Эти коты хотели твой двор своим назвать. Тяжко, конечно, было, но я справился, да и ты помогал мне. Сколько раз на мой крик выскакивал во двор и этих бандитов блохастых распугивал.

В общем, все восемь моих жизней прошли даром и оставили за собой воспоминания, которыми можно если не гордиться, то хотя бы наслаждаться. И только девятая, последняя, вызывает у меня легкое недоумение. Дело в том, что мы, кошки, девятую смерть чувствуем загодя. Первые восемь – нет, а девятую почему-то чувствуем. Даже странно, что при такой выдающейся жизни, как у меня, девятая будет всего-навсего от старости. Смешно. Я так часто жалел тебя с твоей одной единственной жизнью, что и мысли не мог допустить, что моя окажется короче. А ведь кошки, наверное, не попадают в рай. Я слышал, как твоя мама это Сережке говорила. Еще она говорила, что у животных души нет. Может и так, только почему же тогда мне так тяжело тебя оставлять? Знаешь, умей я писать, я бы все это тебе написал в письме, а так остается только еле слышно мурлыкнуть тебе на ушко.

Я ухожу. Ухожу, потому что последнюю, девятую смерть, нужно встретить достойно, что бы там ни было, и как бы она не произошла. Помню, ты как-то читал про викингов, у которых считалось, что в рай попадают только те, что погибли в бою. Достойная вера, она мне больше нравится, чем та, что у твоей мамы. Но у котов есть свое поверье.

Каждый, даже самый захудалый кот верит, что если в момент смерти никого рядом нет, а жизнь была прожита достойно (как у меня), то мы, коты, в награду за такую жизнь получаем броню и крылья. Одев эти броню и крылья, даже самый старый кот превращается в молодого и красивого дракона. Возможно, ты читал о них в сказках. Именно от гордых драконов мы ведем свой род, и в них мы превращаемся, прожив на земле девять кошачьих жизней. Поэтому, когда я уйду, не плачь, друг, мне и самому тяжело. Но драконы, как известно, умеют летать и гоняют тучи по небу, чтобы шли дожди. А в свое свободное время я буду прилетать к тебе, и именно над тобой буду разгонять тучи. Ты увидишь солнышко и улыбнешься. Поэтому, хоть я и ухожу, не плачь! И найди своему котенку такого же друга, каким был я для тебя.

Прощай. Твой Барсик. Мур.

***

Всё стало светлым

Иннокентий Давыдович задумчиво курил, глядя в окно. Шел дождик, даже не шел, морозил, мерзко шлепая по асфальту то тут, то там. Периодически мимо окна проезжала машина, противно шипя шинами по мокрой дороге. Вороны противно каркали на противных кошек. Все было противно. Все осточертело.

В дверь противно постучались.

– Иннокентий Давыдович, у нас компьютер сломался!

– Ты с ума сошел? Такими вещами Димка занимается! Или опять проспал? Так ему еще пени накрутят...

– Здесь Димка, Димка сам в шоке... компьютер в порядке! – хрипло пробурчал Димка из-за двери, – тут видимо сервак полетел. Который ГБС.

– Тот самый? – уточнил Иннокентий Давыдович.

– Больше некому. Или я чего-то не знаю.

– Ба! – проблеял начальник регистрационного бюро. Такого еще не было. И случилось же, аж противно... хотя нет, почему-то именно это было даже интересно.

Главный Банковский Сервер, в простонародье гэбээска, хранил информацию обо всех и вся. Сначала он был частным проектом, но со временем стал государственным. Иннокентий Давыдович даже представить себе не мог, что со всей его охраной, со всем его штатом программистов, техников, секьюрити и инженеров, с резервными системами питания и хранения информации, с невзламываемой системой защиты, ГБС в принципе не был способен сломаться. Даже представить себе такое было верхом кощунства. А как бы было хорошо!

– А что именно не так?

– Посмотрите сами, может хоть эффект присутствия сработает, – пожал плечами сисадмин и пошаркал кроссовками в кабинет. Начальник регистрационного стола пошел за ним. В

углу комнаты сидели бледные родители и, широко вытаращив глаза на Иннокентия Давыдовича, крепко обнимали голубой сверток.

– Так-с, с чем пожаловали? – машинально протянул Иннокентий самым противным голосом, на какой был способен.

– Нам бы свидетельство на ребенка получить. Все честь по чести, зарегистрировали, родили, здоров...

– Свидетельство – не проблема, взнос зарегистрировали?

– И даже внесли уже!

– И налог?

– Мы все сделали, вы посмотрите по компьютеру. Осталось только получить бумажку!

– Какие сознательные! – одобрительно прокряхтел Иннокентий Давыдович, и строго посмотрел на Димку с Никитосом, мявшихся в углу. Заполнив пароль, дав системе распознать отпечаток пальцев обеих рук и сдав образец крови, он с первого раза вошел в систему. Потом снова посмотрел на подчиненных, но те так и стояли с выжидающим видом. Значит, рано радоваться. Иннокентий Давыдович, не спеша, дабы не ошибиться, ввел индивидуальные налоговые и индивидуальные межбанковские номера обоих родителей, нашел ссылку на действительно зарегистрированного по всем правилам младенца, прошел по ссылке достаточно быстро и охнул, молниеносно покосившись как на Димку с Никитосом, так и на посетителей с искренним недоумением.

А что, если вправду, ГБС полетел? О... Иннокентий Давыдович на всякий случай ввел свои ИНН и ИМБН, потом своей жены, потом Димкин, ибо Димка был настолько особым случаем, что его номера начальник помнил наизусть. Нет, вроде все в порядке. Он снова ввел данные ребенка. Казалось, все работало, но поверить в это было просто невозможно.

– Товарищи, извините, у нас небольшая техническая проблема, не могли бы вы подождать снаружи?

– Вы, наверное, удивлены, что за малышом ничего не числится? Это не ошибка. Все в порядке.

– То есть? – Иннокентий с ужасом осознал, что голос его подвел.

– То есть этот малыш никому ничего не должен.

– Так не бывает...

– И все же вот оно перед вами. Этот ребенок будет пользоваться всеми благами, которые остались у нас в стране и в этом мире и не будет ничего отрабатывать.

– Но, что же он будет делать?

– Что захочет.

– Димка, Никита, брысь!

Начальник регистрационного стола почувствовал, как по спине бегут мурашки, а горло предательски сохнет. Мужчина улыбался уже как хозяин положения, хотя его собственный кредит тянул лет на пятнадцать БЕЗ наращиваний, а уж когда нарастят да добавят, благо всегда есть за что. Такая уж у банков работа. Не веря своим ушам, начальник регистрационного стола перепроверил по другой базе. Официально он не имел в нее доступа, но сват подсobil. Да, неделю назад все долги по кредитам были погашены.

– Но кто мог на такое решиться?! – он сам не заметил, как произнес это вслух.

– Я. И жена. И наши друзья.

– За... зачем?

– Чтобы он был рожден свободным. Чтобы с самого момента рождения он никому не был ничего обязан.

– Вот ведь...

Иннокентий Давыдович открыл окно так, чтобы на малыша не дуло, и закурил. Благо, сигареты были не в кредит, сигареты приравнялись к пище и покупались из неприкасаемой

части зарплаты, необходимой гражданам на ежедневные потребности. Молодой отец подошел и встал рядом.

– Знаете, гражданин начальник, а ведь когда-то все люди были свободными, и все сначала зарабатывали, а потом покупали. Каждый был волен путешествовать и делать, что хотел, выбирать, кем быть...

– Знаете, гражданин, а еще ранее был крепостной строй, и что? – пробурчал Иннокентий Давыдович, хотя и был согласен с мужчиной.

– И, тем не менее, мы не нарушаем закон. Этот ребенок родился свободным. Впервые за сто лет. Неужели это для вас ничего не значит?

– Значит, еще как значит. Значит, что грядет социальная нестабильность. Это же чистой воды бунт! Мы тут стараемся для вашего же блага, чтобы поумерить ваши аппетиты. Приставы изо всех сил следят, чтобы долги погашались. У людей появился смысл жизни. У нас нет лишних денег на всякую ерунду. Люди перестали воевать, не травят душу заморскими странами, все наконец-то трудятся не покладая рук. Мы даже работу не меняем, потому что это грозит пенями по кредитам. Если нам что-то нравится – мы поистине это ценим, потому что после покупки еще года три как минимум это отработываем... – начал было говорить Иннокентий Давыдович, но на полуслове сдулся. Не звучало. Даже он сам почему-то вдруг перестал в это верить. А вот если бы кто выплатил его врожденные кредиты, доставшиеся от родителей, бабушек, дедушек... – Вы мне лучше вот что скажите: сейчас это весело, рожденный свободным, а вы не думали, что потом ребенку будет тяжело? Его же заключают, заставляют брать кредиты!

– Понимаем, – улыбнулся мужчина и с любовью посмотрел на жену с сыном, – но у нас много единомышленников. Сейчас мы собирали несколько лет и по копейкам, отказывая себе во всем, мы выбирали ребенка, у которого меньше всего врожденных кредитов, и выбрали его. Мы будем оплачивать его расходы, пока он не станет сам зарабатывать деньги. И все будут должны ему, а не наоборот. Он будет первым, кто сможет накопить деньги и выкупить еще какого-нибудь малыша. А потом свободных от кредитов и ипотек детей станет много. Возможно, мы даже доживем до того момента, когда они освободят и нас с вами.

– Если ваш первый, конечно, доживет до своей первой зарплаты... – пробурчал Иннокентий, памятуя о последних веяниях теорий заговоров.

– Доживет! – уверенно сказала молодая мать, – мы позаботимся. Вы просто переживаете, потому что он первый. Скоро их будет много.

– Да я, собственно, не переживаю... – сказал Иннокентий Давыдович, чувствуя как внизу живота просыпается давно забытое, неподобающее мужчине его возраста желание нахулиганить, пойти, наконец, против системы, – я просто хотел быть уверен. Вот вам свидетельство. Поздравляю с первым свободным ребенком!

Иннокентий Давыдович задумчиво курил, глядя в окно. Молодые родители радостно ускакали прочь от регистрационного стола, весело щебеча и хихикая. Шел дождик, даже не шел, моросил, жизнерадостно шлепая по асфальту то тут, то там. Периодически мимо окна проезжала машина, игриво шипя шинами по мокрой дороге. Вороны задорно каркали на свободно бродящих кошек. Все стало как-то иначе. Все стало светлым.

***

День расколдованных принцев

– Сегодня!!! Юбилейный!!! Двадцать восьмой!!! День расколдованных принцев!!! – над-
рывался глашатай с трибуны.

– Интересно, с каких пор 28 – юбилейное число? – проворчала принцесса Аннет.

– А у него каждый год юбилейный, – хмуро пояснила принцесса Джиджи, младшая из дочек достопочтенного короля Гренуйя, как раз 28 лет назад расколдованного тогда еще принцессой, а нынче королевой Альбиной. По этой причине от присутствия на церемонии ее не могло спасти даже срочное заболевание: родители свято чтит этот праздник. Остальным принцессам периодически удавалось откосить. Джиджи могло спасти только замужество, ибо расколдовывающая принцесса должна быть невинна.

– Как же хорошо, что я родился мальчиком! – осклабился Пит, младший из детей и единственный сын короля Гренуйя.

– Цыц, мелкотень! – зашипела гувернантка, – мне ничего не слышно!

– Я скажу маме, что ты нам грубишь! – заныл принц Пит.

– А я только рада буду перейти на менее нервную работу – не осталась в долгу гувернантка. На самом деле это были только слова. Королевские дети уже успели к ней привыкнуть и признать, что она гораздо лучше, чем три предыдущих няни, а потому предпочитали не рисковать повторно нарваться на кого-то вроде Фройляйн Майнкамф (на имени сие воспоминание следует безжалостно оборвать дабы вконец не испортить и без того безрадостный праздник).

Тем временем глашатай продолжал отрабатывать свою горсть золотых монет:

– Дамы и господа, мадам и месье, пани и панове и прочие здесь присутствующие! Поприветствуйте наших героев! Они одни не побоялись долгих дорог, не отступились ни перед горами, ни перед лесами, ни перед болотами, не ужаснулись возможному гневу могуществен-

ных заморских колдунов! Они целый год искали, и они нашли тех несчастных, пострадавших от злых сил! Поприветствуйте! Всмотритесь в их ясные очи! Запомните их лица. Благодаря им сегодня может произойти очередное чудо и очередной принц не только вернет себе свой истинный облик, но и обретет любовь на всю жизнь!!!

«Герои», одетые кто как по принципу «лишь бы без пятен», лениво вскарабкались на трибуну. По толпе прошел восхищенный шепоток, несколько человек ахнули, а несколько девушек умудрились потерять сознание. Довольный произведенным эффектом, глашатай принялся расхваливать героев дня. Похвала была тем возвышеннее, чем больше монет успел ссыпать тот или иной герой в карман глашатаю перед началом представления. После слов глашатая каждый в глазах толпы сам превращался едва ли не в принца.

– Вот она, истинная уличная магия... – пробормотал сухопарый старик с длинными усами, – а я зачем-то принцев превращаю в лягушек... по сравнению с ним я сущий дилетант. Он таких боронов превращает в принцев...

– Вы – настоящий колдун? – подскочила к нему Джиджи, – правда-правда? А зачем вы пришли? А вы будете портить праздник? Серьезно? А можете сделать это пораньше? Я никому-никому не скажу!!!

– И я не скажу, честное принцесское! – поддержала подругу Аннет.

– С чего это мне все портить! – возмутился старик, – мне, может, тоже интересно, кто этим олухам достанется!

– Фи! Да вы, наверное, даже не колдун! – наморщила носик Джиджи.

– Не отмажешься, не отмажешься, лягушиной слизью измажешься! – весело пропел принц Пит и спрятался за объемными юбками гувернантки. Джиджи злобно засопела. В голове у нее зрел план.

Глашатай перестал расхваливать добытчиков лягушек – представителей самой почетной профессии в королевстве, и начал представлять принцесс. Герои были ненадолго забыты, впрочем, это с лихвой компенсируется вечером в трактире, когда все официантки вдруг вспомнят, кто именно не побоялся колдунов. К описаниям принцесс толпа отнеслась поспокойнее – все-таки не впервой они слышали об их добродетелях. У Джиджи от этих распинаний откровенно вяли уши, и она, не зная как себя развлечь, стала незаметно кидать мелкие камушки в усатого старика. Через несколько минут старик не выдержал и обернулся.

– Ваше высочество, я вынужден попросить вас вести себя сдержаннее! Я стараюсь смотреть представление! – В пронзительно бирюзовых глазах старца плескалась ярость.

– А собственно, что такого? Вы же не хотите сорвать праздник!

– Уговорила – ухмыльнулся старик, – срываю. Отныне ты примешь внешний вид того, кого первого поцелуешь сегодня!

Старик сверкнул глазами и криво, однобоко улыбнулся. Сделав вид, что ее это не волнует, Джиджи переключилась на брата.

– Что лыбишься, мелкий?

– Леди так не разговаривают! – парировал Пит, – Я все папе расскажу!

– Ничего ты не расскажешь! Я подтвержу, что ты врушка мелкий! – пришла на помощь подруге принцесса Аннет. Глашатай подходил к концу описания принцесс и их благодетелей, немалое место среди которых занимала отеческая казна и богатство страны.

– Он не врушка, он трусишка! Радует, что не родился девочкой! – с деланным безразличием припечатала Джиджи, – сам боится до смерти лягушку поцеловать!

Пит ненавидяще уставился на сестру, понимая, что пути назад нет.

– А теперь, внимание, дамы и господа! Затаите дыхание, потому что настал момент, ради которого мы все сегодня собрались! Торжественный вынос заколдованной лягушки! По сложившейся традиции первыми лягушку целуют дочери доброго короля Гренуя, дальнейшая оче-

редность зависит от возраста принцесс! Расступитесь, лягушка шествует на трибуну! Ура, дамы и господа! Ура!!!

Толпа зачарованно вздохнула и вытянула головы, стараясь разглядеть виновницу торжества. Лягушка, осознавая торжественность момента, сидела на атласной подушке, гордо подняв мордашку. Принцессы выстроились в порядке очередности. По традиции, на принцессах должно было быть одето их лучшее платье и полупрозрачная фата, дабы подчеркнуть их невинность и готовность к браку. Впрочем, фата должна быть в меру прозрачной, дабы никто не усомнился, что принцесса попыталась поцеловать принца.

– Лягушка на месте, принцессы тоже! – выкрикнул глашатай, – но погодите, я не вижу принцессы Джиджи! Я готов поклясться, что она только что была тут! Пока что я вам напомним процедуру! Так как на каждого принца имеется своя определенная принцесса, с которой он будет жить долго и счастливо, мы не можем заранее знать, какая из принцесс ему нужна. Таким образом, к целованию лягушки приглашаются все принцессы, потому что на одной из них лягушка превратится в прекрасного принца, и они будут жить долго и счастливо! (умиленный вздох толпы). Если лягушка не превратится в принца, ее оставляют на следующий год, на тот случай, если приедет та принцесса, которая его еще не целовала (протестующий против подобной несправедливости вой толпы, жаждущей превращения непременно в этом году). Впрочем, вот и она, принцесса Джиджи! (бурные аплодисменты и ликование).

Принцесса Джиджи, как-то неуклюже и ссутулившись, проследовала на свое место, гордо задрав нос под фатой. В общей суматохе никто не обратил внимания, что принцессе явно неуютно в своем наряде и фате. Увы, все с увлечением наблюдали за старшей из принцесс. Вот она прошла на трибуну, вот она приподняла фату, вот толпа затаила дыхание, и... лягушка так и осталась лягушкой. Толпа разочарованно взвыла, но тут же разочарование сменилось радостью по поводу того, что на трибуну поднялась вторая сестра. Снова затаенное дыхание и снова разочарованные вздохи, потом еще раз, и наконец, все увидели, как идет на трибуну Джиджи. Строевым шагом она поднялась на трибуну, немного постояла, потом, словно решившись, молниеносно подняла фату и клюнула мордочку лягушки. Затаить дыхание толпа попросту не успела.

Трибуну завалило дымом, который местами освещался молниями. Когда дым рассеялся, толпа замерла от удивления. Первой, как ни странно, закричала Джиджи. Она рванула подальше с трибуны, срывая с головы фату, и только тут все увидели, что на самом деле это был принц Пит. А на трибуне... томно потягивалась миниатюрная рыжая девчушка в зеленом платьице.

– Э... это поразительно! – первым опомнился глашатай, – детская шалость сыграла роковую роль в чуде и впервые была расколдована именно принцесса. Пожалуй, это заставит нас всех пересмотреть наше отношение к подбору лягушек и как минимум научиться определять их половую принадлежность...

На фоне всеобщего замешательства Джиджи хохотала от души. Мало того, что она обвела вокруг пальца старика-колдуна, она еще и умудрилась «подставить» брата, да так, что тот не только опозорился на весь город, но и вынужден будет жениться. Глашатай что-то лепетал, успокаивая толпу. Расколдованную принцессу пригласили погостить во дворце. Принц Пит взял себя в руки и лишь изредка сердито косился на хохочущую сестру.

– Я выиграла! – ликovala Джиджи, – сегодня я больше никого не поцелую, кроме своих родителей перед сном! Никаких лягушек!!

– Что ж, значит, пришло время настоящей магии! – пожал плечами старик и исчез.

– Я ВАС ПОЗДРАВЛЯЮ!!! Юбилейный двадцать восьмой праздник расколдованных принцев состоялся! Господи, он был неожиданным, он был фееричным, он был незабываемым! Сегодня была расколдована принцесса Люси! Гонцы уже были направлены к счастливым родителям, Принцесса согласилась пожить во дворце до их приезда и познакомиться поближе

с принцем Питом, еда и напитки для черни уже отгружены на телегах у стен дворца, а для знати сегодня ночью будет устроен праздничный бал в честь дня расколдованных принцев... или, принцесс!.. Но что я вижу? Не расходитесь, праздник получил неожиданное продолжение! Буквально только что на моих глазах прямо на трибуну забралась еще одна лягушка! Судя по поведению... подтвердите мне... Да! Ловцы заколдованных лягушек подтверждают, а их опыту можно верить, что она заколдована! Слово королевскому врачу? Это ОН! Нам все-таки может повезти расколдовать даже принца! Ура! Ура!!!

Толпа ликовала так, будто кроме ликования ничего и делать то не умела. Принцесс снова выстроили в ряд, и теперь уже гувернантка лично удостоверилась, что Джиджи на месте. Сидит. За что они так... Джиджи хмуро оглядела присутствующих. Хорошо, что эмоции фата скрывает. Не зря она на дух не переносила этот праздник. «Ты примешь внешний вид того, кого первого поцелуешь сегодня». Сестры гадают, как он будет выглядеть и кому достанется. Отец с матерью ласково смотрят друг на друга и подбадривающе улыбаются Джиджи.

Наивные. Будто, это так просто, раз и облагодетельствовал всех несчастных! Девочка ощутила, как в ней закипает ярость от чувства бессилия. Только бы его расколдовала одна из сестер! Господи, я буду молиться каждое утро и больше не стану вместо молитвы напевать про себя шуточные стишки. Я больше не буду подначивать брата, и больше не буду издеваться над костюмами посудомоек!

Господи... нет. Главное – сделать первый шаг, и каждый шаг делается как первый. Интересно, Питу было также тяжело? Хотя от него-то требовалось только коснуться лягушки и ничего бы не произошло... И откуда она взялась? Лягушки же не было, не было!!!

Джиджи беспомощно обвела взглядом толпу (какие же они все тупые!) и уставилась на лягушку. Лягушка была странная и имела бирюзовые глаза. Пронзительно бирюзовые. Тени на ее мордочке создавали впечатление, что у лягушки выросли длинные усы.

– Джиджи! Давай! – шептала безликая и жестокая толпа.

Лягушка посмотрела на Джиджи и криво, однобоко усмехнулась, а потом из-под лапки лягушки выкатился в сторону девочки маленький кусок гравия. Этого было достаточно, чтобы узнать, КТО был лягушкой. «Ты примешь внешний вид того, кого первого поцелуешь сегодня». А толпа все подбадривала. Толпа жаждала чуда. Будет вам чудо.

– Пропадать, так с песней, – пробормотала Джиджи, поднимая фату. Послав воздушный поцелуй родителям и лучезарно улыбнувшись толпе, девочка молниеносно нагнулась.

***

Если завтра конец света

- Димка, ты куда носки шерстяные положил?
- В чемодане с патронами, ма! Под пакетом с помидорами.
- Дурак ты, Димка, а если протечет? Где я вам их сушить буду?
- Не кипятись, Свет, дед утверждает, что его самогонный аппарат может работать как очиститель и производить дистиллированную воду.
- Как, вы и это спиральное уродство с собой тащите? Оно же уйму места занимает! Куда я косметику класть буду?
- Между спиралями, мамуль.
- Леночка, ты уже вернулась? А это кто с тобой?
- Мама, папа, это Вова. Они бункер по соседству выкопали, теперь уже начали копать лаз к нам.
- Да вы что! А у вас электродрель есть?
- Э... Есть, Светлана Николаевна.
- Ну, тогда все в порядке, копайте лаз. Скажу по секрету, мой Славик на той неделе дрель сломал, а починить уже некогда. Ох, как же не вовремя, ну хоть бы после Нового года, что ли...
- Светлана! С предсказаниями не шутят! Это сами Майя предсказали!
- Вы правы, мама, а Нострадамус подтвердил. Кстати, вы огурцы уже сгрузили вниз?
- Я сгрузил, ма, а еще отнес крупы и шампанское.
- Димочка, где ты нашел шампанское? Я думала, все уже с полок смели...
- Мам, пап, новости!

Люди сгрудились у плазменного ультратонкого телевизора. Кадры сменялись, показывая хаос, происходящий по всей планете.

– Толпы демонстрантов вышли на улицы Парижа. Преимущественно, это студенты, – тараторил журналист, – Лондонская фондовая биржа забаррикадировалась изнутри и утверждает, что торги не прекратятся. Отметим, что в последние несколько дней наблюдается резкий рост стоимости акций сельскохозяйственных компаний. Лидер партии оппозиции Целлюли-

товский объявил, что конца света можно избежать, если найти идеальную девушку и засунуть ее в египетскую пирамиду чтобы она лучом света из своего рту остановила разрушения. Партия власти ответила, что это плагиат. Впрочем, идеальную девушку есть из кого выбирать. В американском штате Висконсин проходят массовые демонстрации под лозунгом «Не умри девственником». Власти Голландии официально поддержали акцию, дополнив от себя словами «Курнем напоследок!»...

– Кстати, о Висконсине, Во-о-ов, ты в аптеку не забыл заехать?

– Взял я тебе контрацепцию, две коробки, больше не было.

– Ох, молодежь, нет, чтоб о душе подумать, вам подавай как в Висконсине... Все праздники проспите так!

Резкий взрыв на улице сотряс стены квартиры.

– Что, уже началось? Владимир, глянь в окно...

– Нет, Светлана Николаевна, это, видать, дяде Толе копать надоело – он динамитную шашку и сунул в стену.

– Точно, мам, вон дед из нашего бункера вылезает весь в земле, вроде ругается.

– Зато теперь связь есть!

– Папа! Ты, кстати, телефон туда обещал протянуть и телевизор.

– Мы вчера с Толей и тянули. Даже придумали, как защитить от всяких напастей...

– Одежда уже там? У кого пакет с паспортами?

– Там все, так вот, мы подумали, что провод надо как-то спрятать...

– Светлана Николаевна, Лена просила карты захватить.

– Будто мы там в дурака резаться будем! Я же просила кастрюлю вниз захватить! Ну как же без кастрюли!

– Вы слушаете, или нет? Мы провод в туник просунули. Я специально под ним бункер планировал, теперь проводу не страшны дикие звери! О, Толя, здорово, орел!

– Слав, я там к вам проход сделал, у вас простынки не найдется занавесить его?

– Конечно, Славочка, держите!

– Ма! Время уже! Обращение президента пропустим.

– Ой, батюшки! Лен, скажи Вове, пусть вот ту коробку берет – там набор сковородок.

Слава, не забудь окна закрыть, все-таки, я не знаю, когда мы вернемся. Папа, ну, сдался вам этот бортжурнал, вы не Нестор, чтобы летописи писать!

– Потомкам пригодится!

– Деда, ты тогда лучше сразу на камне выбивай – будет второй камень розетты.

– Все на месте? Никого наверху не оставили? Я закрываю люк!

Как только дверь закрылась, заработали мощные немецкие фильтры воздуха, сделанные с учетом возможности радиоактивного заражения окружающей среды. Люди расселись за столом и налили шампанское.

– Дорогие Россияне! – вещал телевизор, – пока люди в других странах готовятся к неминуемой смерти, вы, умудренные многолетним опытом, закрылись в самодельных убежищах и настроены на выживание. От лица всего правительства выражаю вам свою благодарность!

Мы, в нашем бункере, о вас очень волнуемся! В этот знаменательный день нам пора вспомнить о том, что Россия – действительно великая страна с великим прошлым и богатейшей историей. Не посраим нашу страну. Давайте постараемся выжить!

– Ура! – поддержал стройный хор голосов графические салюты, красочно рассыпающиеся за спиной президента в телевизоре.

– А теперь мы переключаем наш эфир на бункер заслуженных артистов России, где ведущие эстрадные знаменитости устроили для вас «Концерт во имя жизни». Но, сначала, прервемся на рекламу. Оставайтесь с нами, телекомпания обещает непрерывно транслировать Вам свежие новости и прочие телепередачи пока свету действительно не настанет конец!

Под утро люди все-таки легли спать, потому что никто не знал, во сколько именно начнется конец света. Слава с дедом хотели дождаться, но вторая выпитая бутылка довольно быстро поменяла их мнение. В вдвоенном бункере стало темно.

– Вов, а вдруг ничего завтра не будет? – прошептал еле слышный голосок.

– Все говорят, что будет, Лен.

– А вдруг все же не будет?

– Может, но если вдруг будет, ты рискуешь умереть девственницей.

– Молодые люди, больше всего вы рискуете умереть с фингалами под глазами, а я – не выпавшимся!

***

Запретное слово

Старичок был восхитителен. В эпоху свободы самовыражения, когда можно было приходить на лекции хотя бы и голым, если так удобнее, он шел на лекцию в классическом сером костюме, белой сорочке бордовом галстуке и наверняка ужасно неудобных туфлях. Несмотря на всю разношерстность толпы, он умудрялся выделяться. Нет, никто, упаси Боже, не осудил бы его вид, просто почему-то его все замечали. Святослав вошел в аудиторию, и, не дожидаясь пока все рассядутся, размашисто нарисовал на электронной доске слово «ЛЮБОВЬ». Студенты переглянулись и пожали плечами. Им преподавали много заумных слов, и было непонятно, почему в этот раз слову придавалось так много значения. Преподаватель сокрушенно покачал головой.

– Кто знает, что это такое?

– Мы готовились по другой теме, профессор! – насмешливо заявил Егор, красуясь перед девушками.

– Именно поэтому мы ту тему и не проходим, вы ее и так знаете! – пожал плечами старик, – а вот про любовь вы не учили. Да и не учат этому теперь. Ну, никто?

– Это палеологизм, – сказала Клио, – раньше обозначал определенную совокупность эмоций, но за время существования цивилизации оброс таким обилием мифов и обязательств, что было решено от него отказаться.

– Вы, несомненно, погуглили?

– Мой брат писал у вас диплом.

– Что ж, и то радуется, – профессор припоминал Клима, подающего надежды будущего политика, который пару раз заикнулся о необычных уроках профессора дома и был быстро переведен к другому куратору, – а вы знаете, что это слово стало можно произносить весьма и весьма недавно? Знаете почему?

Студенты покачали головами и некоторые даже оторвались от своих дел. Пара студентов попыталась активно перекапывать глобальную сеть.

– В сети этого нет, – усмехнулся Святослав, – я лично отдавал распоряжение о том, чтобы там все подчистили.

Вот теперь уже почти все смотрели на Профессора. Иметь право дать распоряжение на подчистку сети означало весьма и весьма ответственный пост, особенно после принятия законодательства по сетевой и электронной безопасности.

– В сущности, любовь была причиной всех проблем, например, Троянской войны и ряда других войн – вы их проходили по истории. Из-за любви люди меняли образ жизни, привычки, себя. Люди покидали дома, работу, семью ради любви, ради любви умирали, убивали и нарушали закон. Трусы становились смельчаками, монахиня – распутницей, консерватор – новатором, а заскорузлый домосед пускался в путешествие. От любви учащался пульс и больной становился здоровым, а здоровый – больным. Но что такое любовь? Что ее характеризует? Мы провели исследование и выяснили, что никто не знает что такое любовь, более того, набор эмоций, характерный для любви, отличен для каждого взятого индивидуума. Влюбленный человек переставал беречься о себе и не мог прожить и дня без того, кого любил.

– То есть, круто, что мы ее запретили? – спросил Крис.

– Не вы, а я! – оскорбился Святослав, класс глухо захихикал, – и что в этом крутого? Да, стало легче! Да, таким, как вы, больше не приходится тратить силы и время на ухаживания, романтику...

– Вот именно, что тратить! – поддержала Клио. Профессор удивленно посмотрел на нее и потом посмотрел на Крису.

– Молодой человек, выразите симпатию этой прелестной девушке.

– Ты мне нравишься, – пожал плечами Крис. Одноклассники одобрительно загудели. Профессор покачал головой.

– Сударыня, чье имя вдохновляло древних, ваш взгляд способен исцелять и ранить, румянец на щеках будет наградой, достойнейшему из мужчин, что дерзнет ваших коснуться губ губами, ведь с ними не сравнится даже розы нежнейший лепесток. Чтоб пальцев жар прикосновения, нас наделил и трепетом и силой, не жаль отдать имя и славу, даже жизнь...

Звонок громовым раскатом ворвался в аудиторию, воодушевив большинство студентов и полностью обрубив порыв Святослава. Клио медленно собралась и пошла вслед за друзьями, ее пошатывало.

* * *

Клио стояла перед кроватью Криса. Прошло два дня с той странной лекции, да и много чего еще произошло, они решили, что им обоим не плохо бы снять напряжение.

– Как бы ты хотела начать? – спросил Крис, – Я могу сделать так, что ты забудешь обо всем!

Клио поежилась. Раньше ее возбуждала эта самоуверенность. Вдруг она поняла, что рассматривает Криса не более чем мясо, самодовольную гору мышц, служащую только удовлетворению его потребностей. И ее, хотя ее потребности неуловимо изменились. Он был далеко не первый ее мужчина и это был далеко не первый их раз, она успела изучить его манеру и привычки, совершенно не ясно, что изменилось теперь. Ей вдруг стало нестерпимо зябко, не отводя взгляда от Криса, она потянулась за простыней.

– Не надо, Клио, ты и так красивая, что это с тобой?

– Крис, зачем мы это делаем? – ей вдруг стало противно при мысли о том, что может произойти между ними.

– Мы расслабляемся, получаем удовольствие.

– А знаешь, я такое почувствовала, когда он мне это говорил...

– Что?

– Не знаю. Ты бы так смог?

– Конечно, хотя, признаться, не ожидал от Святослава такого, дедок еще хорош.

– Давай сегодня не будем.

– Ты из-за этой любви?

– Нет, просто не в настроении.

– Да ладно, посмотри, я же готов, неужели ты не соскучилась? Брось, мы по-быстрому.

Главное начать.

– Нет, не получится.

– Обидно.

* * *

Профессор Святослав Ростов шел на обед. Только что он разговаривал с Ректором по поводу ухода на пенсию по бесполезности. Ректор, бывший коллега Святослава, уговорил последнего закончить учебный год. Профессор считал, что без толку, в свое время они совершили непоправимый поступок, и все его попытки повернуть время вспять, хоть как-то отыграть назад и вымолить прощение у этого мира были тщетными. Они уже убили этот мир. Ректор был не согласен, он думал, что благ от запрета все же больше. Святослав брел по коридорам, размышляя о том, как бы он поступил сейчас, так же или нет, когда на него набросилась девушка из-за угла. Он не сразу узнал в ней Клио Сагапо – ученицу в одной из групп, в которых ему довелось вести.

– Профессор, у меня есть несколько вопросов...

– Хорошо, пройдем в мой кабинет, – он точно знал, что когда у студента такой вид, откладывать нечего.

– Профессор, эта ваша любовь, как она характеризуется?

– Вы о чем?

– Какие симптомы у любви?

– Я их все описал на лекции, поищи книги у отца.

– Я искала, я нашла, все, что есть, можно описать другими словами и критериями.

– И что?

– То, что вы сказали на лекции, в этом не было ничего особенного, не могло быть, но оно не оставило меня равнодушным, черт побери, да оно мне всю жизнь сломало!

– Неужто?

– Знаете, это действительно миф, любовь необоснованна и не проверена. От нее были одни неприятности. Хорошо, что они ее запретили, но...

Девушка всхлипнула и замолчала. Профессор Ростов налил ей воды. Клио выпила, но говорить не продолжила. Наверное, боялась показаться глупой.

– Продолжай, я внимательно тебя слушаю.

– Профессор, зачем вы нам про нее рассказали, про любовь?

– Это часть нашей истории. От истории отказываться нельзя.

– Нет, история суше!

– Ну, хорошо, хорошо, отказ от любви, бесспорно, сделал людей спокойнее и умиротвореннее. Они перестали воевать и страдать, но они не стали счастливыми, ничуть, напротив, они потеряли смысл. Более того, они перестали размножаться. Мы, пожалуй, переусердствовали в подмене ценностей, они свелись к удовольствию и наслаждению. Вот уже пять лет как не рождается новых детей.

– Есть клонирование... – предложила Клио, – к тому же можно ведь обязать всех рожать...

– Можно, но люди не видят смысла жизни. Пресытившись удовольствиями, многие ломаются... Понимаешь, слово «любовь» присутствовало в словарях вплоть до 2017 года. Постановлением совета глобальных университетов, проведенного в Гарварде 15 января 2017 года, было решено, начиная от даты выхода указанного постановления, классифицировать слово «любовь» как устаревшее и не включать в текущие словари. До 2025 года слово «любовь» можно было найти в любом словаре архаизмов, но потом, вследствие ошибки, то ли программы распознавания, то ли оператора, вышел словарь, в котором слова такого не было. Нужно заметить, что, уже начиная с 2020 года, велась широкая кампания в СМИ по защите свободной любви и неприятию собственнических чувств, ревности, ограничений. Нынешняя модель воспитания основывается на знании, но людям этого становится недостаточно. Мы так и не смогли найти ему замену.

– Так ли она нужна?

– Получается, что во имя любви были не только войны и убийства, во имя любви делалось все в этом мире. Мы уничтожили любовь, и мир стал вымирать.

– И вы хотите, чтобы студенты об этом знали?

– Я... я бы хотел понять есть ли у меня шанс поправить свою же ошибку, ну да пока тебе еще рано об этом думать. Знай, что любовь есть, и не бойся ее.

Старик ласково, по-отечески поцеловал девушку в лоб, и его мир взорвался тысячами искр, чтобы провалиться в забытье. Клио с ужасом посмотрела на судорожно сжимающего сувенирный глобус Криса, потом, истерично замотав головой, убежала.

* * *

Святослав лежал в больнице уже несколько дней, когда к нему пришел Дипак, ректор университета. Дипак имел необыкновенно светлую для индуса кожу, он был рожден еще до глобального смещения и мог называть себя чистокровным брахманом.

– Я понимаю, мой друг, что в твоём положении уже не до уроков, я приму твою отставку хоть сегодня, если ты хочешь, – вежливо сказал он.

– Нет, вот теперь я точно не уйду!

– Но почему?

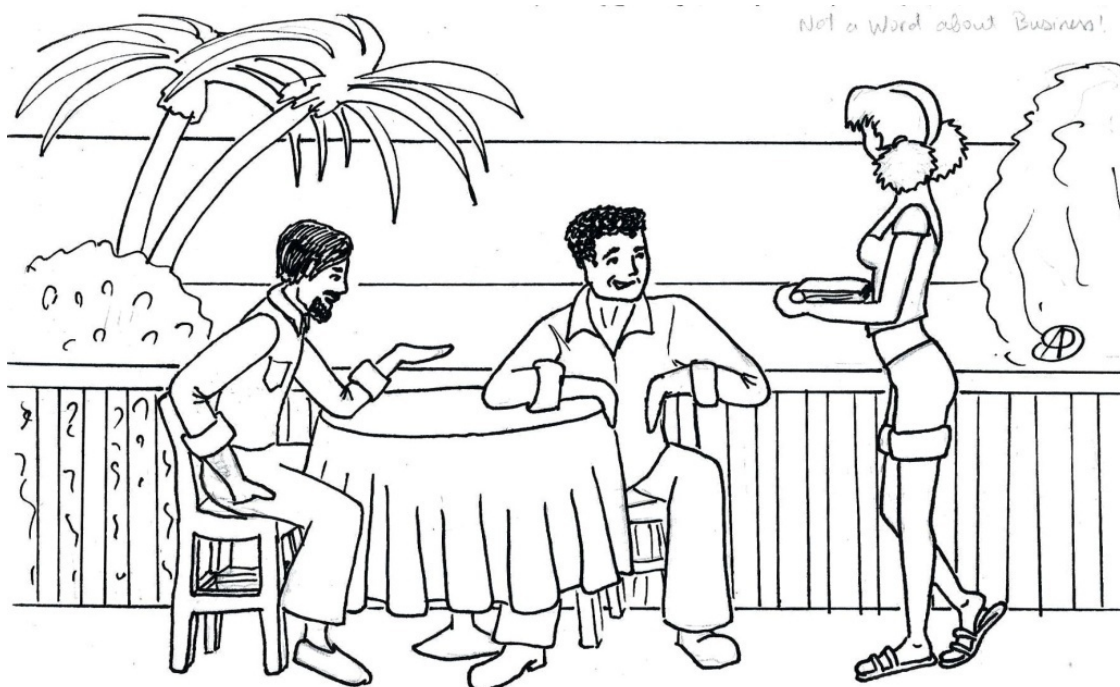
– Знаешь, утром заходили эти двое студентов. Из-за которых я тут, – Святослав потрогал забинтованную голову, – Он дико извинялся и не знал что на него нашло, наивный и влюбленный. А она, наконец, задала те вопросы, которые я ждал. Два человека, целых два! Я все-таки не бесполезен, а, друг Дипак?

– Всего два, – укоризненно произнес индус.

– Целых два, значит, что их будет больше! Я не бесполезен, друг мой брахман, теперь ты еще долго не дождешься от меня заявления об уходе!

***

Ни слова о работе!

– Ну, так вот, слушай сюда, место хорошее, но используется неэффективно. Сюда бы вбухать тысяч сто на доведение до ума и на рекламу – отбоя от туристов не будет. Курорт класса люкс! – горячо описывал бизнесмен в рубашке с льняными брюками. Его звали мистер Поль Амандай.

– Да ну, место то убитое, – пессимистично возражал ему его коллега, Эдвард Ранофф.

– Ничего подобного! Ясен пень, снести эту хибару и персонал поувольнять. Надо нанять профессиональных барменов, высококлассных бариста из Италии, выпишем из Франции пару-тройку шефов, шоу-гёлз из Польши или с Украины, бар оборудовать wi-fi и экранами с новостным каналом...

– Ну, кризис, кто поедет то!

– Все поедут, туризм наше все, благо его раскрутили. Русские, вон, едут же!

– И они перестанут.

– Не перестанут. Славная нация, живут каждый день как последний! А то вдруг завтра денег на поездку не будет.

– Инвесторы тебе не поверят...

– Поверят, я им процент...

– Джентльмены, – мягкий голос официантки вклинился в их разговор, – напоминаю основное правило нашего заведения, которое висит вот там на стене: «Ни слова о работе!»

– Чего?! – один из собеседников недоуменно посмотрел на официантку, у которой только по подносу можно было понять, что она тут работает.

– Менеджера! – заявил второй, который как раз и строил грандиозные планы. Официантка пожала плечами и сходила за менеджером.

– Эли, не надо так жестко, хотя да, по идее у нас именно принцип отдыха от работы, как при японской чайной церемонии, – улыбочиво пояснил менеджер в гавайской рубашке,

бермудах и шлепках. Эли уже готовила заказ у кого-то еще. Менеджер улыбочиво извинился и пошлепал восвояси.

– Вот и первые кандидаты на увольнение, – угрюмо сказал Поль, – учитывая, что у меня есть на их хозяина... он ни бум-бум в финансах!

Две недели спустя, когда эпизод с бизнесменами был благополучно забыт не только сотрудниками отель-ресторан-бара «Haven», хозяин заведения получил первое из многочисленных «писем счастья» от местной налоговой. Следуя строгим инструкциям чиновников, Бадди Хэйвен стал сверять расчеты с предполагаемым. Бедняга действительно мало смыслил в финансах, но то, что уплата налогов помешает возврату кредита, было ясно как божий день. Неделю Бадди пропадал в своей комнатухе с калькулятором и кучей бумаги, выходя оттуда только чтобы поесть. Каждый раз он выглядел невероятно растрепанным. Сотрудники, несомненно, заметили его состояние, но у них хватало такта промолчать.

По мере того, как приближался срок возврата кредита, жизнь Бадди становилась все тяжелее. Пара клиентов нашли в салатах тараканов, а кто-то пожаловался, что на кухню вбежала крыса. Непонятно как, но эти бытовые случаи получили крайне широкий общественный резонанс. Бадди перерыл всю кухню, но не нашел там никаких следов живности. Впрочем, через пару дней он нашел на кухне комиссию санитарного контроля, и он мог поклясться, что искали они не только тараканов. После санитаров Бадди отпаивал коктейлями выездную налоговую проверку, а потом «зеленых». «Зеленые» вдруг решили проверить, а не мешает ли его отель миграции крабов. Потом сорвались поставки гелей для душа, а целая партия сданных в химчистку полотенец оказалась безвозвратно испорчена не особо ретивым студентом, устроившимся в прачечную на летнюю подработку. Прачечная, конечно, готова была возместить ущерб, но денег у нее не было, а до суда было еще долго. Поползли слухи, нехорошие слухи, даже побудившие пару крупных туроператоров отказаться от сотрудничества с ним. Складывалось ощущение, что судьба жестоко наказывала Бадди за неизвестные, но определенно грешные проступки. Бадди мог только вечерами запивать это дело мартини.

– Слышь, босс, чтой-то мне не нравится, что тут творится последнее время! – Морган, стареющий, но неизменно спортивный негр – метрдотель, подсел к Бадди, когда тот в очередной раз пытался затвориться в своем кабинете для сверки счетов.

– Что именно, Морган? – Бадди напрягся. Страшнее всего лично для него было подвести сотрудников.

– Ну, проверки эти все, опять же, слухи всякие... Мы-то с тобой знаем, что на самом деле оно не так.

– И?...

– Я тут покумекал, есть пара наметок, да я не уверен в них... ты бы рассказал, что ли когда закрываться собрался, а то живем и не знаем...

– Я... – Бадди замер, пытаясь не расплакаться, как когда-то в детстве, а потом все рассказал.

– Сурьёзна, шеф. Надо что-то делать.

– Но, что?

– Знаешь, ты был достаточно тактичен, чтобы не спрашивать о моей прошлой жизни, за что я тебе, несомненно, благодарен. А ведь, она была отнюдь не в турбизнесе.

– А где?

– Я был налоговым консультантом в международной компании. Белым воротничком. Сутки напролет в бумаге и компьютерах, карьера по головам, сидя в высотке из железобетона и не видя света белого. Хотелось бы мне больше к этому не возвращаться, но больно меня устраивает работать на тебя. Давай-ка я посмотрю твои бумажки да отчетность. По-дружески так. Стоило Моргану уйти, как в кабинет Бадди постучал и вошел спасатель Уилл.

– Знаешь, босс, мне не нравится то, что я тут последнее время наблюдаю...

Оказалось, что Уилл в недалеком, но тщательно забываемом прошлом занимался финансовым планированием и контролем затрат. Уилл также пообещал завтра посидеть после работы с документами и тоже только потому, что на этой работе его все устраивало.

К полуночи Бадди преследовало ощущение, что он что-то в этой жизни упустил. Заходили почти все ключевые сотрудники, в очередь они, что ли, выстраивались за дверью? Бармен Эли оказалась в прошлом кризис-менеджером. Ее сменщик Макс оказался профессиональным юристом. Аниматор Анна и шеф-повар Виктор когда-то были аудиторами. Садовник оказался менеджером по связям с общественностью, инструктор по аква-аэробике – бухгалтершей, нашлись еще два юриста и три экономиста, маркетолог и аж три банкира, причем у большинства были разного рода международные сертификаты. Все до работы с Бадди жили в мегаполисах, и их зарплата явно не шла ни в какое сравнение с тем, что мог платить Бадди Хэйвен. Когда утром его команда в полном составе набросилась на бухгалтерию, Бадди уже ничему не удивлялся. Он подумывал о походе в церковь.

За какие-то пару месяцев налоговая сняла все требования к заведению, более того, Морган умудрился обнаружить переплату налогов, благодаря которой Бадди мог на пару лет забыть о походах в инспекцию. На его наивный вопрос «а была ли переплата» Морган хитро улыбался, а потом с честными-честными глазами говорил: «И еще какая!». Были пересмотрены цены и поставщики, найдены новые туроператоры, был выпущен ряд рекламных статей о Haven Hotel и те же «зеленые» вдруг стали орать о том, что этот отель – верх экологичности. Честно написанный бизнес-план дальнейшего развития поразил не только Бадди, явно не ожидавшего, что его бизнес может приносить столько денег. Банк пересмотрел требования, более того, добавил финансирование. По кровожадному блеску в глазах, Бадди понял, что Эли с Максом нашли виновника всех его бед. На какой-то момент ему даже стало жалко дерзнувшего.

Поль Амандай, признаться, не сразу понял, что ситуация выходит из-под контроля. Едва он собрался направить собственнику Haven Hotel Ltd. предложение о выкупе, его люди доложили, что налоговая и банк сняли требования. Отель стремительно набирал рейтинг, прямо пропорционально рейтингу Поля. То ли у этого неудачника Бадди были скрытые резервы, то ли за ним стоял кто-то очень сильный. Скорее – второе, потому что со временем этот кто-то стал атаковать самого Поля. Атаки были точечными и подозрительно меткими, словно этот кто-то знал заранее все его уязвимые места. Мир крупных компаний невообразимо тесен, но даже Поль не мог предположить, что один из его менеджеров, недавно Полем же подставленный, теперь работал именно в злополучном отеле. Единственное, чего не мог понять мистер Амандай – так это кому мог понадобиться отель. Поль рыл носом землю, но зацепиться было не за что. Отчеты подписывали квалифицированные аудиторы и экономисты, теперь к ним было не придраться. Никто из крупных игроков не проявлял к нему интереса.

– Я не понимаю, если эта акция направлена против меня лично, то почему сейчас? Зачем? И зачем вытаскивать именно эту забегаловку? – говорил он Раноффу. Эдвард пожимал плечами. Последнее время репутация Поля настолько пошатнулась, что Эдвард сам не понимал, почему он еще тратит время на коллегу.

– Ну, кому-то же ты насолил...

– Вот именно, что никому!

– Правление на той неделе поднимает вопрос о твоей отставке.

– Они не имеют права!

– Деньги – их, право тоже.

– Джентльмены, сколько раз я вам должна говорить, о работе говорите где угодно, но не здесь!

Эли аргументировала свой довод «случайно» высыпанным прямо на Поля Амандая спагетти с кетчупом и естественно, тут же рассыпалась в извинениях. Испорчены были как рубашка от Armani, так и тарталетка к кофе. Впрочем, кофе с кетчупом тоже не вдохновлял

бизнесмена. По странному стечению обстоятельств, вторая порция «за счет заведения» также не добралась до стола, в этот раз Эли умудрилась достать тарталеткой галстук за две тысячи евро. Попадание в цель ее несказанно развеселило, она обмакнула салфетку в кофе и с садистским злорадством попыталась этой салфеткой оттереть пострадавший галстук. Формально, она извинялась и кляла свою неуклюжесть.

– Девушка, вы способны смотреть, куда идете и что делаете?! – взревел Поль.

– Вы пытаетесь меня оскорбить? – невозмутимо парировала официантка.

– Черт побери, дура криворукая, чему тебя учили!

– Мистер Кронби, этот мужчина меня оскорбляет на гендерной почве! – обратилась Эли к сидящему неподалеку представителю правоохранительных органов, а потом крайне холодно ответила Полю, – по образованию я экономист и, увы, не приучена таскать подносы.

– Где, чтоб вас, готовят таких экономистов?

– В моем случае, в Кембридже.

Поль с недоверием уставился на девушку.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Элиссон Стюарт, сэ.

– Знакомое имя, где я его слышал? Так вот, мисс Стюарт, я лично позабочусь, чтобы вас уволили!

– Не раньше вас, со всем уважением.

Официантка удалилась той счастливой танцующей походкой, какая присуща людям, исполнившим мечту детства. Надо ли говорить, что в счет она включила не только обе порции кофе и тарталеток, но и злополучные спагетти.

– Я подгоню машину к выходу, – сжалился над другом Эдвард Ранофф.

– Я определенно где-то видел это имя! – процедил Поль. Вспомнил он уже вечером, читая документацию. Элиссон Стюарт наряду с Морганом Блумом и Максимо Бианко готовили отчетность в налоговую. Отчетность, надо сказать, великолепную, придраться было не к чему. Поль бы еще повоевал, но Правление собралось досрочно, и Поль оказался на улице. По слухам, кто-то из правления хорошо знал кого-то из Haven Hotel Ltd. Поля Амандая впервые обошли, причем так, что о работе по специальности можно было не мечтать.

Перед отлетом домой в Чикаго Поль зашел последний раз посмотреть на несбывшийся актив. В ресторане помимо обычных посетителей шел праздник. Бадди Хэйвен стоял во главе стола, явно сдерживая счастливые слезы. «Сопляк!» подумал Поль.

– Ребята, я не ожидал, что вы... что вы так... что так бывает... я думал, что я вас подведу.

– Что ты, Бадди, мы же команда!

– Не перебивай, Эли, так вот, без вас я бы не справился, я предлагаю полноценное партнерство... всем вам.

– Бадди, заткнись! – Морган недовольно замахал руками.

– Нет, то, что вы сделали...

– Неужели ты так и не понял? Мы не стремимся к заработку, лишь бы на жизнь хватало, к тому же у нас и так есть сбережения, немалые. Нас полностью устраивает то, как шли дела, и мы совершенно не горим желанием возвращаться в тот дурдом, от которого отказались. Мы его ненавидим, и поэтому, только поэтому мы здесь.

– Но... но вы же вернулись... р-ради меня???

– Бадди, если ты о том, что мы предпочитаем спокойную творческую работу без овертаймов и расчетов, корпоративных войн и судов, а также, почему для нас деньги больше не являются основным мерилем успеха, то объяснить это невозможно.

– Это можно принять и не заморачиваться по этому поводу.

– За “Haven” – наше тихое убежище от цивилизованного дурдома!

Гул голосов поддержал тост шеф-повара, а по пухлому розовому лицу Бадди все-таки скатилась огромная, но искренняя слеза.

– Дауншифтеры хреновы, – сплюнул Поль Амандай, хотя глубоко внутри его грыз червячок сомнения, что возможно, эти люди, которые не потеряли хватки, и просто живут в свое удовольствие, в чем-то правы. Но каждому свое. Пока что Поль так не мог.

Руки

Старик вошел в палату и долго смотрел на лежащего в коме мужчину, Костю. С кислородной маской на лице, укрытого по подбородок, бледного. Старик понимал, что по-хорошему им бы поменяться местами. Это Костя должен был навещать его, лежащего при смерти. Старику уже срок, Косте – нет. Он заставил себя пройти и сесть рядом с Костей. Как пятнадцать лет назад.

Пятнадцать лет назад он нашел Костю у себя под дверью дачи, которая уже тогда стала его основным местом жительства. Костя был в обмороке, истощенный, голодный и уставший. Как? Откуда? Кто? Сначала Старик занес его домой и точно также, как сейчас сидел у его кровати.

Ходить Костя стал через пару недель. Заговорил через два месяца. Местная врач корила Старика и обещала, что мальчик его обворует и сбежит.

Участковый честно искал, откуда бы мог пропасть мальчик, но не мог ничего найти. Соседи ничего не говорили, но шептались через шаткие заборы между участками, осуждая или поддерживая. Старику было плевать. Он ухаживал за Костей как за своим сыном, которого у него не было, в остальном жизнь старика не сильно изменилась. Он все также преподавал в музыкальной школе, совмещая уроки с обычными школьными уроками музыки, горбатился на огороде, ходил за молоком со старой авоськой и вечерами читал «Новый мир» либо что-то из классики.

Через несколько месяцев Бог знает как, но участковый организовал Косте документы. Сказывалось, что поселок был маленький, да от Москвы далеко.

Через полгода Костя впервые назвал Старика папой.

* * *

– Папа? Ты как? – гораздо более хрипло, гораздо более взросло.

Старик встрепенулся, отряхивая паутину воспоминаний.

– Я то ничего, Костя, мог бы и хуже. Сам как себя чувствуешь?

Костя вяло улыбнулся и посмотрел в окно, стараясь не жмуриться от свежего весеннего солнца.

– Готов порхать! Я долго тут уже?

– Неделю.

– Зато сразу говорю. Так и ходить начну раньше. Зато теперь мне можно присвоить титул прошибающего лбом грузовики!

Старик вздрогнул. Неделю назад судьба словно спохватилась о тех неучтенных пятнадцати годах семейного счастья, свалившихся на Старика, и решила исправить ошибку. Пока старик копался в огороде, на дороге чуть выше потерял управление грузовик. Как он там оказался и почему, предстояло разбираться следствию, водитель же лежал в коме в соседней палате.

Единственное что успел понять Старик, это что на него падала огромная махина, монстр из гремящего и скрежещущего металла, надрывно ревуший и совершенно непредсказуемо переворачивающийся. Старик не испугался, он понял, что уже все и успел пожалеть, что открытый гроб ему не светит, а потом появился Костя. Костя легко подхватил сухое тело Старика на руки и побежал. Старик зажмурился. Потом был удар об землю и тишина. Когда соседи вызвали врачей, у Старика не нашли ни царапины. Костю нашли в обломках. Царапины были, и не только царапины. Костя потерял самое ценное – руки, и Старик не знал, как ему это сказать. Его отвезли в райцентр, и соседи попеременно возили Старика проведать сына. За эти годы они смирились с Костей и даже полюбили его. Костю нельзя было не полюбить. Всегда веселый, всегда готовый помочь...

– К слову о моем тараноподобном лбу, он чешется! – объявил Костя и полез высвобождать из-под одеяла руку. Старик замер. Он не боялся, когда на него летела фура, но теперь он трепетал от ужаса. Костя с интересом посмотрел на руку и хихикнул. Ниже запястья руки не было.

– А по ощущениям она тут как тут. Какая досада!

Он почесал лоб той частью руки, что была чуть повыше культи, и убрал руку на место. Старик вытаращился на сына. Сын тепло улыбнулся, потом наморщился и опять вытащил руку на свет. Теперь он смотрел на нее гораздо дольше. Потом достал вторую руку. Старик молчал, затаив дыхание. Костя как заправский экспериментатор внимательно осмотрел бинты со всех сторон, помахал ими вразнобой, попытался соединить и поморщился от боли. Потом он попытался сравнить какая из рук у него теперь длиннее, но заявил, что достоверно сказать невозможно. Он почесал затылок, попытался натянуть на себя одеяло и вдруг выпрямился на кровати с выражением ужаса на лице.

– Как же я буду играть!

После этого Костя лишился сознания. Старик, доселе боявшийся издать хоть звук, в немом ужасе наблюдавший за Костей, выскочил из палаты и уже в коридоре свернулся калачиком на полу и заплакал. Медсестры не могли его успокоить.

– На его месте должен был быть я! На его месте должен был быть я!

* * *

Костя всегда любил слушать, как Старик играет на пианино, будь то урок или просто для души. Даже не начав говорить, именно к инструменту Костя сделал свои первые шаги после болезни. Старик играл Шопена. Костя подошел к инструменту и положил руку на крышку, пытаясь прочувствовать вибрации инструмента, но как только Старик перестал играть, отошел в свой уголок. Постепенно Костя стал присутствовать на всех уроках, а когда Старик возвращался домой с работы, он нередко слышал, как мальчик что-то наигрывает, пробует звуки на вкус.

Однажды Старик услышал не набор разрозненных звуков, а целое произведение. Именно после этого к Косте стала возвращаться речь. Музыка и Костино здоровье были каким-то таинственным образом связаны. Чем больше Костя выздоравливал, тем сложнее и глубже становились его сочинения. Когда мальчику было плохо, от его музыки становилось грустно, а когда он был счастлив, даже случайные прохожие начинали сами того не замечая пританцовывать при ходьбе. Костя мог не играть неделями, если был занят, но инструмент и музыка для него были святы.

Святое сочеталось с полным отсутствием желания это святое эксплуатировать сверх меры. Костя не стал профессиональным музыкантом. Он не менее радостно грузил товары в местном магазине и скрепя сердце согласился взять на себя класс малышей в школе. А играл для души. Послушать его «для души» приходили даже из соседних деревень.

* * *

Старик очнулся в палате рядом с Костей.

– Добрутра, пап! – весело поприветствовал его Костя и радостно помахал тем, что осталось от правой руки, – это я попросил, чтобы тебя тут оставили. Мне спокойней, да и тебе тоже. А я тут книжки пытаюсь читать без рук, учусь листы передувать с места на место. Даже получается! Главное – не чихать, а то пока сообразишь, какой частью руки закрывать рот, все собьется к чертовой матери.

– Костя... извини...

– За что, пап?

– Я должен был быть на твоём месте.

– Ничего ты не должен, и оставь эту тему! Что было, то было!

* * *

Костю забирали из больницы целой толпой. Участковый приехал на служебной машине прямо к входу и стал усиленно размахивать фуражкой перед Костиным окном.

– Ну вот, меня уже приехали в милицию забирать... – пошутил Костя.

– Н-нельзя, мы не отдадим! – испуганно встрепенулась медсестра, зашедшая поболтать.

– И скорая с ними... на случай если буду буянить, – тем же серьезным тоном продолжил пациент, глядя, как из машины вылезает местная врач. Глядя на еще прибывающие машины, он хотел еще добавить про понятых, но решил не слишком нервировать молоденькую медсестру.

То ли Старик их предупредил, то ли встречающие оказались тактичнее, чем принято считать, но про руки никто старался не говорить. Просто кто-то прихватил его сумку, кто-то одежду, кто-то документы и все дружно выдвинулись к дому. На людях Костя притворялся, что ничего не произошло. За общим столом он почти не ел, зато наотрез отказался от попыток его покормить с ложечки и трепался без умолку. Благо соседки догадались сами убрать за собой под предлогом, что не мужское это дело мыть посуду.

Из магазина Костя уволился сам, не дожидаясь пока его попросят. Осталась только школа. Там вроде как не было необходимости так активно пользоваться руками. Он на удивление легко объяснил детям, что произошло с руками. Дети объяснение приняли легко. Костя, по всей видимости, так и не принял. Потянулась череда унылых дней, когда Костя на людях хорохорился, но все очевиднее страдал от своей ущербности, а старик прилагал немыслимые усилия чтобы лишний раз перед сыном не маячить. Отсутствие рук встало между ними непробиваемой преградой, стеной, причиной которой Костя видел свою ущербность, а Старик знал, что это его всего лишь его собственный эгоизм и чувство вины.

– Папа, можно я посижу на уроке? – Старик занимался с подающим надежды парнем переходного возраста. Парень сочувственно покосился на Костю, но продолжил играть. Остаток урока Костя молча слушал музыку. Когда парень ушел, Старик продолжил играть. Ему казалось, что только музыка удерживает Костю здесь. Не осуждающего Костю, каким его последнее время представлял себе Старик, а того самого мальчика, который просто очень сильно устал. Костя прислонился щекой к деревянному боку пианино. Старик играл произведение за произведением, боясь остановиться. Они сидели так, пока не пришла врач, чтобы проведать, как идет Костино выздоровление.

Костя снова стал завсегдатаем на уроках старика, но если когда-то в детстве ему этого хватало для выздоровления, то теперь этого было мало. Косте с каждым днем становилось все хуже. Старик уже подмечал, что именно музыка исцелила Костю, но теперь реакция была обратной. Старик уже не мог играть так много, как раньше, Костя не мог играть вообще. Он слонялся вокруг инструмента, пытался нажимать клавиши тем, что осталось от рук, но что он мог? Он отощал и побледнел, потом стал отказываться от еды. Врачи в поликлинике разводили руками и выписывали направления на обследование в районную клинику. Там Костю просветили со всех сторон и выписали направление к психиатру, одного похода к которому Косте хватило, чтобы возненавидеть представителей данной профессии.

Кто-то принес Старику проигрыватель и подборку дисков с классикой. Костя воодушевленно послушал в течение получаса, а потом попросил забрать.

– Она не живая.

В райцентре был концерт симфонической музыки. Сосед, владелец местного круглосучного магазина, согласился свозить Костю с отцом на концерт. К этому времени Костя уже еле ходил. Опираясь на соседа, Костя с трудом погрузился в машину на заднее сидение, положив голову на сухие колени отца. Точно также его ввели в концертный зал.

Когда заиграла музыка, Костя словно встрепенулся, подавшись вперед, жадно впитывая звуки. Руки начали летать над коленями, пока не существующие пальцы аккомпанировали оркестру. Это могла бы быть удивительная, неслыханная музыка, но никто кроме Кости не мог ее слышать.

– Ишь ты, ожил что ли? – хмыкнул сосед.

Старик покачал головой. Он знал, что это лишь временное облегчение.

– Ведь не я же играю... – прошептал Костя.

Потянулась череда дней, когда Костя все заметнее угасал. После концерта он перестал говорить, а постепенно и перестал ходить. Старику помогли перенести парня в гостиную, где он молча смотрел на пианино. Ел он опять с ложечки. Психиатр пытался пробиться к Косте и выписывал ему какие-то таблетки, но ничто не могло вернуть парню волю к жизни. Впрочем, старик понимал, что его самого-то здесь только сын и держит. Уйдет сын – уйдет и отец.

– И надо ему было родиться у нас в глуши. В столице бы с ним, небось, такого не случилось, был бы уже богатым, по миру бы ездил... – сокрушался участковый.

– Ну, подумаешь, музыка, – возмущалась директриса школы, – было бы из-за чего страдать! Я бы еще поняла, если из-за любви!

Иногда по ночам старику чудилось, что Костя, снова ставший маленьким мальчиком, робко подбегает к инструменту и нажимает вразнобой одну-две клавиши. Он поворачивался на другой бок, но сны его преследовали, сопровождаясь горьким осознанием того, что это всего лишь сны. Старик знал, что это невозможно. Даже когда он бодрствовал, слуховые галлюцинации преследовали его, но когда он, срываясь с места, подбегал к гостиной, Костя как обычно лежал на диване и просто, не моргая, смотрел на пианино. По всей видимости, Старик сходил с ума.

Однажды, возвращаясь домой с работы, Старик услышал музыку, какую мог играть только Костя. Это было решительно невозможно, и зря его сердце забилося со скоростью, более подобающей восторженному юнцу. Если его галлюцинации перешли в такую стадию, впору было звонить врачам, но что бы те сделали? Положили его на обследование, стали бы искать опухоли. А денег и так еле хватает, да и кто присмотрит за Костей. Увы, мысль «Я должен держаться» не перебивала грохота марша на пианино.

Смиренно вздохнув, Старик медленно разделся, всунул ноги в теплые тапки и пошаркал проведать сына. Вот, он прошел коридор, подошел к двери, до последнего глядя себе под ноги, и, наконец, поднял глаза на Костю.

Костя сидел! Нет, пожалуй, важно даже не это, Костя ожил! Его глаза горели, на щеках появился румянец, он будто светился изнутри. Но даже не это самое важное. Костя играл на пианино!!! Конечно, руки у него не отросли, более того, Старик понятия не имел, как Костя это делал, но парень смотрел на инструмент, а клавиши бегали так, будто на них играют как минимум в четыре руки. Старик протер глаза, но видение не исчезло.

– Папа! Я теперь так могу! Смотри! Я теперь не ограничен двумя руками! Я могу играть в четыре, в пять рук! Смотри!

Костя перевел глаза обратно на инструмент и клавиши запрыгали с неправдоподобной скоростью, умудряясь при этом как-то складываться в мелодию. Костя ликовал. Старик оглянулся вокруг, не зная как отличить явь от фантазии, но тут на звук зашел сосед.

– Оп-па! Да ты, Костик, этот, экстрасенс, я так погляжу...

Сосед начал снимать на сотовый телефон то, как Костя играл, но тому было абсолютно все равно. Он был музыкой, и остальное не имело значения. Вся музыка, что копилась в его голове, вдруг нашла выход, марш сменился мазуркой, мазурка – сонатой, соната – джазовым мотивом, которому на смену пришел вальс. Прохожие, а в их поселке все друг друга знали, останавливались под окнами или заходили в дом. Старик с удивлением смотрел на этих, казалось бы, чужих людей, а потом с еще большим удивлением на сына.

– Теперь я за тебя спокоен, сынок, теперь и помирать не страшно.

Музыка прервалась внезапно и Костя, повернул круглые от ужаса глаза в сторону отца. Старик лежал в руках соседа, который поймал друга, когда тот пошатнулся, и счастливо улы-

бался. Врач, которая тоже слушала музыку, констатировала смерть. Люди смущенно расходились по домам, остались только самые верные друзья семьи.

Старика похоронили через три дня. От музыки, которую исполнил Костя, невыносимо болели сердца даже тех, кто близко Старика не знал, слезы наворачивались у людей на глаза. Они украдкой вытирали их, пытаясь понять, откуда доносится музыка и кто ее играет, но мало кто был готов поверить, что эта музыка – творение долговязого калеки, что стоит рядом с гробом, бледный, но без единой слезинки. Его чувства были звуками. За него плакали все остальные.

Больше Костю в городе не видели.

Говорят, безрукого пианиста встречали в разное время в разных городах и поселках от Владивостока до Калининграда, даже несколько свидетелей нашлось в Москве, а еще в Минске и даже в Киеве и Николаеве. Говорят, музыка – не только его чувства, но и его еда. Говорят, он сам – музыка.

Но вряд ли мы с вами его увидим. Говорят, на публику он не играет.

***

Солнечные очки

Если бы мне предложили воздвигнуть памятник какой-то вещи, это были бы солнечные очки! Это гениальнейшее изобретение, которое не только бережет глаза от солнца, но и великолепно укрывает их от посторонних глаз. Чем темнее очки, тем лучше. В принципе, даже полузатененные очки прибавляют их носителю изрядную долю элегантности и шарма, но мои симпатии навсегда отданы действительно темным очкам.

Когда люди идут по улице и не видят твоих глаз, они ориентируются по носу. Куда смотрит нос, туда и глаза. Некоторые еще смотрят на подбородок. Это странная логика, но ей следует поразительное количество людей. Почему-то складывается ощущение, что надев очки, люди разучиваются косить. Другой вариант – это когда встречные решают, что раз они не видят тебя, то и ты их не видишь.

Воистину, страусы они, эти прелестные встречные! Без них было бы невообразимо скучно. Разве вот тот симпатяга осмелился бы покоситься на мои ноги, не думай он, что я его не вижу? Да ни в жизни! А вон тот клерк разве позволил бы себе пройтись взглядом по моим плечам, существуя вероятность наткнуться на гневно-холодный взгляд? Уверена, что нет!

Очки раскрепощают и позволяют увидеть мир с совершенно другой стороны. Если вы мне не верите, попробуйте сами! Когда вы в очках очень многие встречные раскрепощаются и перестают играть тех самых неприступных чужаков. Очки – это прекрасно, очки дают второе зрение и очки... ломаются!

Солнечные очки имеют странную привычку ломаться в самый неподходящий момент, когда на улице палящее солнце, много отражающих поверхностей, чаще всего, когда я в отпуске. Каждый отпуск у меня знаменуется покупкой новых очков, поэтому по оправам я могу практически безошибочно проследить географию своих путешествий.

В этот раз, к их чести, очки сломались в обеденный перерыв, обязав меня вместо неспешной прогулки по парку сломя голову искать им подходящую замену в окрестных магазинчиках. Как специалист по очкам, я забрала не одну витрину, пока, наконец, не подобрала что-то относительно удовлетворительное.

Расплатившись, я вышла на улицу и заметила, что у меня неправильные очки. Внешне они выглядели нормально, но стоило мне посмотреть на прохожего, как над головой последнего появлялось белое облачко, наподобие тех, кто рисуют в комиксах, а в этом облачке разыгрывалась странная картина. Например, тот мужчина, на ком я впервые заметила облачко, смачно жевал в нем спелый истекающий сахарным соком арбуз. При этом сам дядя не с меньшей увлеченностью копался в двигателе своего старенького форда. Я сняла очки и облачко пропало. Значит, дело в очках.

Я посмотрела на другого прохожего. Он судорожно перекапывал портфель в поисках чего-то, несомненно, важного. При этом в облачке над его головой он же самозабвенно окучивал картофель, жаря под весенним солнышком худую пятую точку, обтянутую старыми трениками. Определенно, мне продали неправильные очки.

– Девушка, не смейтесь, пожалуйста, но вы мне продали очки, которые могут читать мысли.

– Девушка, не издевайтесь, пожалуйста.

– Поверьте, я точно знаю, что вы сейчас думаете об Эйфелевой башне. Заверяю вас, Париж не настолько интересен, как многие склонны фантазировать.

– Поверьте, я думаю только о том, в 02 мне звонить, или в 03...

– А как же Эйфелева башня?

– Не думаю я ни о какой башне, девушка, с чего вы взяли?

– А у вас в облачке над вашей головой вы на ней стоите и любуетесь на ночной Париж...

Продавщица заметно побледнела.

– Если ваши очки чего и читают, то мечты. Что с этим делать сами и решайте, только думаю, что это не повод для возврата!

Мечты так мечты. Решив оставить очки, я пошла по улице и стала подглядывать, о чем же таком кто мечтает. Я, например, знаю, о чем мечтаю я. Но вот о том, насколько это невинно я узнала только сейчас. Чувствуя себя шпионом в тылу врага, я подсматривала за мечтами всей жизни. Кто-то хотел малого, а кто-то невозможного.

Взрослый и с виду серьезный мужчина, например, мечтал летать без сторонних приспособлений. Кто бы мог подумать! Зато молодая девушка, которой явно полагалось думать о школьной сессии, почему-то мечтала о порнухе с элементами фетишизма. Пожилая старушка мечтала о подсолнухах. Причем тут подсолнухи? Я с удивлением увидела, что мечтой всей жизни молодого музыканта с кудрявой шевелюрой и контрабасом за спиной было ничто иное как переломить указанный музыкальный инструмент о голову какого-то строгого мужчины, видимо, учителя. Зато бомж, сидящий на остановке, мечтал, кто бы мог подумать, о собственном выступлении в Вене перед многотысячной публикой.

Что такое мечты? Что такое сокровенные мечты? Что-то, что у вас есть несмотря ни на что, что бы вас не окружало. У кого-то мечты сменялись моментально, ветреные люди, у кого-то мечта представляла собой застывшую картинку, не меняющуюся ни при каких условиях. Кто-то видел все детали обстановки, а кто-то только части.

Что бы вы сделали, будь у вас возможность видеть мечты других людей? Первое, что приходит в голову, это что этим можно как-то воспользоваться, но как? Возьмем, скажем, старушку, мечтающую о подсолнухах. Ну, подсолнухи, а что дальше? Или, вот, дядя видит себя дайвером, который обплывает коралловые рифы, распугивая стайки разноцветных рыбок. И кому какое дело, что на самом деле дядю под землей не видно, а облачко мечты просачивается сквозь открытый канализационный люк. А вот ребенок на качелях во дворе мечтает, чтобы сказки оказались правдой, чтобы и дед мороз существовал, и серый волк, который умеет говорить. Видишь, как этот ребенок в мечтах с Горынычем сражается и так больно становится, будто это ты сама лично сделала так, чтобы ни волка, ни Горыныча не существовало.

Оказывается, мечты есть у всех. Тем более любопытно, что большинство их остаются светлыми и добрыми независимо от возраста. Даже скинхед пьет пиво на скамейке, а в облачке над его головой он маме цветы дарит. Некоторые мечты и подсматривать неудобно – больно личные. И все же я не могу оторваться. Облака заполняют все вокруг. Каждое облако – мечта жизни. Странное чувство – знать, кто о чем мечтает. Страшное. Будто ты видишь то самое беззащитное и самое дорогое. А оторваться не можешь. Зачем мне такие очки достались?

Или вот... как странно... в облаке только серый неясный силуэт. Даже не поймешь что это. То ли оно опасно, то ли наоборот. Если мечтают, значит, не опасно, наверное... А как объяснить тех людей, у кого облачков нету? Неужели они ни о чем не мечтают? Есть ли в их жизни смысл? К слову, украдкой брошенный на витрину взгляд доказал, что собственной мечты я не вижу. То ли так работают очки, то ли ее у меня просто нет. Да и смысла, пожалуй, нету тоже. Наверное, когда смысл есть, солнечным очкам памятники не воздвигают. Грустно.

Я опять смотрю на туманный силуэт, а потом на его создателя, точнее, создательницу. Маленькая девочка в посеревшем от времени платьице сидит на скамейке, покачиваясь вперед-назад. Ее волосы, убранные в жиденький хвостик, растрепались, а голубейшие глаза смотрят будто бы на то самое облачко. Я подхожу поближе, и вдруг силуэт в облаке становится яснее. Я тщетно пытаюсь разглядеть то проступающие, то исчезающие черты. Наверное, неприлично так пристально мечту разглядывать, но это превыше моих сил. Я просто обязана это увидеть. Уже и девочка смотрит не в небо, а на меня. А силуэт становится все больше похож на человека. Это завораживает, вот проступила ступня в босоножке, вот край юбки, вот рука с элегантной женской сумочкой.

Я сделала еще несколько шагов вперед, и вдруг все стало кристально ясно и четко. Ясность оглушала и обезоруживала, в нее было буквально невозможно поверить. Я смотрелась в зеркало. Точнее, из облачка над головой девочки на меня смотрела я сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.